

ЕВГЕНИЙ
ОНЪГИНЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕД.-ХИРУР. АКАДЕМІИ.

1826.

ЕВГЕНИЙ ОНЪГИНЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ЕВГЕНИЙ ОНЬГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА ,
при Императорской Мед.-Хирур. Академіи.

1826.

Печатанъ дозволяется съ шѣмъ, чтобы по напечата-
ніи, до выпуска въ публику, представлены были
въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей
книги для Ценсурного Комитета, другой для Депар-
тамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра
для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и
одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.
Сентября 27 дня, 1826 года. Книгу сю размѣри-
валь Э. Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣти-
никъ и Кавалеръ

ИВАНЪ СНЕГИРЕВЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПИСАНО ВЪ 1823 ГОДУ.

O rus! . . .

Hor.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
Была прелестный уголокъ ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословиши бѣ Небо могъ.
Господскій домъ уединенный
Горой опь вѣтровъ огражденный
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли

Луга и нивы золотыя ,
 Мелькали села здѣсь и шамъ ,
 Спада бродили по лугамъ ,
 И сѣни разширяль гусшыя
 Огромный , запущенный садъ ,
 Пріошъ задумчивыхъ Дріадъ .

II.

Почтенный замокъ быль построенъ
 Какъ замки спроицься должны ;
 Отмѣнио проченъ и спокосиъ
 Во вкусѣ умной спарини .
 Вездѣ высокіе покои ,
 Въ гостиной штофные обои ,
 Поршреши дѣдовъ на спѣнахъ ,
 И печи въ пещирныхъ изразцахъ .
 Все эшо нынѣ обветшало ,
 Не знаю право почему :

Да впрочемъ другу моему
 Въ шомъ нужды было очень мало ,
 За пѣмъ, чпо онъ равно зѣвалъ
 Средь модныхъ и спаринныхъ залъ.

III.

Онъ въ шомъ покоѣ поселился ,
 Гдѣ деревенскій снарожилъ
 Лѣпъ сорокъ съ клюшницей банился ,
 Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
 Все было просто ; полъ дубовый ,
 Два шкафа , столъ , диванъ пуховый ,
 Нигдѣ ни пяшнышка чернилъ.
 Онъгинъ шкафы отворилъ :
 Въ одномъ нашелъ тепрадь расхода ,
 Въ другомъ наливокъ цѣлый строй ,
 Кувшины съ яблочной водой ,
 И календарь осмаго года ;

Сшарикъ , имѣя много дѣлъ ,
Въ иныя книги не глядѣль.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній ,
Чтобъ ишолько время проводишь ,
Сперва задумалъ нашъ Евгений
Порядокъ новый учредишь .
Въ своей глухи мудрецъ пустынныи
Яремъ онъ барщины шаринной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ ;
Мужикъ судьбу благословилъ .
За то въ углу своеемъ надулся ,
Увидя въ этомъ спрашній вредъ ,
Его разчепливый сосѣдъ .
Другой лукаво улыбнулся
И въ голосъ всѣ рѣшили шакъ :
Что онъ опаснѣйшій чудакъ .

V.

Сначала вѣкъ и нему ъзжали ;
 Но такъ какъ съ задняго крыльца
 Обыкновенно подавали
 Ему Донскаго жеребца ,
 Лишь только вдоль большой дороги
 Завидяшъ ижъ домашнии дороги ,
 Посступкомъ оскорбясь шакимъ
 Вѣкъ дружбу прекрашили съ нимъ.
 « Сосѣдъ нашъ неучъ , сумасбродишъ ,
 « Онъ фармазонъ ; онъ пьеши одно
 « Стаканомъ красное вино ,
 « Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ ;
 « Все да , да нѣть ; не скажешъ да-съ
 « Иль нѣть-съ. » Таковъ былъ общій гласъ .

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ ,

И споль же спрограму разбору
 Въ соѣдствѣ поводъ подавалъ.
 По имени Владіміръ Ленскій,
 Душой Филиппъ Гештингенскій,
 Красавецъ, въ полномъ цвѣти лѣтъ,
 Поклонникъ Канта и поэзъ.
 Онъ изъ Германіи шуманий
 Привезъ ученоспіи плоды:
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно странный,
 Всегда восторженную рѣчъ
 И кудри черныя до плачъ.

VII.

Оль хладнаго разврата свѣта
 Еще уянуть не успѣвъ,
 Его душа была согрѣта
 Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.

Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда ;
Его лелѣяла надежда,
И мира новый блескъ и шумъ
Еще плѣнили юный умъ.
Онъ забавляль мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой ;
Надъ ней онъ голову ломалъ
И чудеса воображалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ , что душа родная
Соединиться съ нимъ должна,
Что безотрадно изнывая
Его вседневно ждеть она ;
Онъ вѣрилъ, что друзья грешны
За честь его принять оковы,

И чпо не дрогнѣтъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника.

IX.

Негодованье , сожалѣнье ,
Ко благу чистая любовь ,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ ;
Подъ небомъ Шиллера и Гете ,
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ .

И Музъ возвышенныхъ искусства,
 Щастливецъ , онъ не постыдилъ ;
 Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
 Всегда возвышенныя чувства ,
 Порывы дѣственной мечты
 И прелестъ важной проспышы.

X.

Онъ пѣлъ любовь , любви послушный ,
 И пѣснь его была ясна ,
 Какъ мысли дѣвы просподушной ,
 Какъ сонъ младенца , какъ луна
 Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ ,
 Богиня шайнъ и вздоховъ иѣжныхъ . —
 Онъ пѣлъ разлуку и печаль ,
 И иѣчию , и туманцу даль ,
 И романтическія розы ;
 Онъ пѣлъ отъ дальнѣя страны ,

Гдѣ долго въ лено тишины
 Лились его живыя слѣзы ;
 Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ ,
 Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ .

XI.

Въ пустынѣ , гдѣ одинъ Евгений
 Могъ оцѣнить его дары ,
 Господъ сосѣдственныхъ селеній
 Ему не нравились пиры ;
 Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной ;
 Ихъ разговоръ благоразумный
 О стнокостѣ , о винѣ ,
 О псарнѣ , о своей роднѣ ,
 Конечно не блесталь ни чувствомъ ,
 Ни поэтическимъ огнѣмъ ,
 Ни остротою , ни умомъ ,
 Ни общежитія искусствомъ ;

Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Еще былъ менѣе уменъ.

XII.

Богашъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ ;
Таковъ обычай деревенскій ;
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полурусскаго сосѣда ;
Взойдетъ ли онъ ; — тошь часъ бесѣда
Заводитъ слово спороной
О скучѣ жизни холостой ;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай,
Ей шепчутъ : Дуня , примѣтай ;
Попомъ приносятъ и гишару :
И запишишь она, (Богъ мой) !
Приди въ гертогъ ко мнѣ златой.

XIII.

Но Ленскій не имѣвъ конечно
 Охоты узы брака несшь ,
 Съ Онѣгиномъ желалъ сердечно
 Знакомство покороче свесить.
 Они сошлись ; волна и камень ,
 Стихи и проза, ледъ и пламень
 Не столь различны межъ собой ;
 Сперва взаимной разнотой
 Они другъ другу были скучны ;
 Потомъ понравились, потомъ
 Съѣзжались каждый день верхомъ ,
 И скоро спали неразлучны.
 Такъ люди, первый каюсь я ,
 Оть дѣлать негего — друзья.

XIV.

Но дружбы иѣпъ и шой межъ нами ;
 Всѣ предразсудки испребя ,

Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
 А единицами—себя ;
 Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны ,
 Двуногихъ шварей миллионы
 Для насъ орудіе одно ,
 Намъ чувство дико и смѣшно .
 Сноснѣе многихъ былъ Евгений ;
 Хоть онъ людей конечно зналъ ,
 И вообще ихъ презиралъ ,
 Но правиль нѣшъ безъ исключеній :
 Иныхъ онъ очень отличалъ ,
 И въ чужѣе чувство уважалъ .

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой :
 Поэта пылкій разговоръ ,
 И умъ еще въ сужденьяхъ зыбкой ,
 И вѣчно вдохновенный взоръ,—

Онѣгину все было ново ;
 Онъ охладищельное слово
 Въ устахъ спарабся удержать ,
 И думалъ : глупо мнѣ мѣшать
 Его минутному блаженству ;
 И безъ меня пора придешъ ;
 Пускай покамѣстъ онъ живенъ
 Да вѣрить міра совершенству ;
 Проспимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
 И юный жаръ и юный бредъ.

XVI.

Межъ ими всераждало споры
 И къ размышенію влекло ;
 Племенъ минувшихъ договоры ,
 Плоды наукъ, добро и зло ,
 И предразсудки вѣковые ,
 И гроба шайны роковыя,

Судьба и жизнь въ свою чреду
 Все подвергалось ихъ суду.
 Поэпъ въ жару своихъ суждений
 Читалъ, забывшись, между пѣмы
 Отрывки сїверныхъ поэмъ ;
 И снизходительный Евгений,
 Хоть ихъ не много понималъ ,
 Прилежно юношъ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали спасши
 Умы пусынниковъ моихъ.
 Ушедъ опѣхъ мяшежной власши ,
 Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
 Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья :
 Блаженъ , кто вѣдалъ ихъ волненъя
 И наконецъ опѣхъ отшаль ,
 Блаженнѣй тошъ, кто ихъ не зналъ ,

Кто охлаждалъ любовь—разлукой ,
 Вражду—злословіемъ ; — порой
 Зѣвалъ съ друзьями и женой,
 Ревнивой не тревожась мукой ,
 И дѣдовъ вѣрный капишаль
 Коварной двойкѣ не ввѣрялъ !

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
 Благоразумной шишины ,
 Когда спрасшай угаснетъ пламя ,
 И намъ спановляйся смѣши
 Ихъ своеvolьство, иль порывы
 И запоздалые омызы—
 Смиренные не безъ труда ,
 Мы любимъ слушать иногда
 Спрашай чужихъ языкъ мяшежный
 И намъ онъ сердце шевелишъ ;

Такъ точно сшарый инвалидъ
 Охопно кловинъ слухъ прилежный
 Разсказамъ юныхъ усачей,
 Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
 Не можетъ ничего скрывасть :
 Вражду, любовь, печаль и радость,
 Она готова разболтать.
 Въ любви щипаясь инвалидомъ,
 Онѣгинъ слушалъ съ гажинымъ видомъ,
 Какъ сердца исповѣдь любя ,
 Поэть высказывалъ себя ;
 Свою довѣрчивую совѣсть
 Онъ простиодушно обнажалъ.
 Евгений безъ труда узналъ
 Его любви младую повѣстъ ,

Обильный чувствами рассказъ
Давно не новыми для нась.

XX.

Ахъ! онъ любилъ , какъ въ наши лѣта
Уже не любяшъ ; какъ одна
Безумная душа поэша
Еще любишь осуждена :
Всегда, вездѣ одно мечтанье ,
Одно привычное желанье ,
Одна привычная печаль !
Ни охлаждающая даль ,
Ни долгія лѣща разлуки ,
Ни Музамъ данные часы ,
Ни чужеземныя красы ,
Ни шумъ веселій , ни науки
Души не измѣнили въ немъ
Согрѣтой дѣственнымъ огнемъ .

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плененный,
Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ шѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣшьмъ прочили вѣницы
Друзья сосѣди, ихъ ошцы.
Въ глухи, подъ сѣнью смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родищелей, она
Цвѣла какъ ландышъ пошагенный,
Незнаемый въ травѣ глухой,
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэшу подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ,

И мысль объ ней одушевила
Его ювеницы первый снонъ.
Проспите, игры золотыя !
Онъ роши полюбиль густыя,
Уединенье, шишину ,
И ночь , и звѣзды, и луну ,
Луну, небесную лампаду ,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слезы, шайныхъ мукъ отраду. . . .
Но нынѣ видимъ шолько въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXXI.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ упро весела,
Какъ жизнь поэша просподушна ,
Какъ поцѣлуй любви мила ,

Глаза какъ небо голубые,
 Улыбка, локоны льняные,
 Движенья, голосъ, легкій станъ,
 Все въ Ольгѣ.... но любой романъ
 Возмиша, и найдеше вѣрно
 Ея портретъ; онъ очень милъ ;
 Я прежде самъ его любилъ,
 Но надоѣль онъ мнѣ безмѣрно.—
 Позвольте мнѣ, чишацель мой ,
 Заняться старшею сесстрой.

XXIV.

Ея сесстра звалась Татьяна.
 Впервыя именемъ такимъ
 Страницы нѣжныя романа
 Мы своевольно освящимъ.
 И чѣмъ ? оно пріятно, звучно ;
 Но съ нимъ , я знаю, неразлучно

Воспоминанье старины
Иль дѣвичьей. Мы вѣдь должны
 Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ;
 (Не говоримъ ужъ о спинахъ)
Намъ просвѣщеніе не пришло ,
И намъ досталось ошъ него
Жеманство , — больше ничего.

XXV.

И пакъ она звалась Ташьяной.
Ни красотой сесипры своей ,
Ни свѣжестью ея румянной ,
Не привлекла бъ она очей.
Дика, печальна , молчалива ,
Какъ лань лѣсная боязлива ,
Она въ семье своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.

Она ласкалься не умѣла
 Къ отцу ни къ матери своей ;
 Дитя сама , въ толпѣ дѣтей
 Играшь и прыгашь не хощѣла,
 И часто , цѣлый день одна ,
 Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость , ея подруга
 Опѣ самыхъ колыбельныхъ дней ,
 Теченье сельского досуга
 Мечтами украшала ей .
 Ея изнѣженные пальцы
 Не знали игль ; склонясь на пальцы ,
 Узоромъ шелковымъ она
 Не оживляла полотна .
 Охопы властивовать примѣта :
 Съ послушной куклою , дитя

Приготовляется шутя
 Къ приличію, закону свѣта ,
 И важно повторяешь ей
 Уроки мамишки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эпніи годы ,
 Ташьяна въ руки не брала ;
 Про вѣспи города, про моды
 Бесѣды съ нею не вела .
 И были дѣшскія проказы
 Ей чужды; спрашивные разсказы
 Зпмою, въ темнотѣ ночей,
 Плѣняли больше сердце ей.
 Когда же няня собирала
 Для Ольги , на широкій лугъ ,
 Всѣхъ маленькихъ ея подругъ ,
 Она въ горѣлки не играла ,

Ей скученъ быль и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣшреныхъ ушѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждашь зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И пихо край земли свѣтилашъ,
И вѣстникъ упра, вѣперъ вѣеть,
И всходиши поспешино день.

 Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаешъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При опуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваешьъ,
Въ привычный часъ пробуждена
Вспавала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы ;
 Они ей заманили все ;
 Она влюбилась въ обманы
 И Ричардсона и Руссо.
 Отецъ ея былъ добрый малый ,
 Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый ;
 Но въ книгахъ не видаль вреда ;
 Онъ, не читая никогда ,
 Ихъ почивалъ пустой игрушкой ,
 И не заботился о томъ ,
 Какой у дочки шайный томъ
 Дремалъ до ушра подъ подушкой .
 Жена жъ его была сама
 Онь Ричардсона безъ ума .

XXX.

Она любила Ричардсона ,
 Не пошому , чтобы прочла ,

Не потому, чиобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла ;
Но въ ешарину, Княжна Алина,
Ея Московская кузина ,
Твердila часио ей объ нихъ.
Въ то время быль еще женихъ
Ея супругъ, но по неволѣ ;
Она взыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ ;
Сей Грандисонъ быль славный францъ ,
Игрокъ, и Гвардіи Сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣша,
Всегда по модѣ и къ лицу ; —
Но не спросясь ея совѣша
Дѣвицу повезли къ вѣницу.

И чтобъ ел разсѣяшь горе,
 Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
 Въ свою деревню , гдѣ она,
 Богъ знаешь кѣмъ окружена,
 Рвалась и плакала сначала ,
 Съ супругомъ чушь не развелась ;
 Потомъ хозяйствомъ занялась ,
 Привыкла, и довольна стала.
 Привычка свыше намъ дана:
 Замѣна счастію она.

XXXII.

Привычка усладила горе
 Неопразимое ничѣмъ ;
 Опкрышіе большое вскорѣ
 Ее ушѣшило совсѣмъ.
 Она межъ дѣломъ и досугомъ
 Открыла тайну , какъ супругомъ ,

Какъ Проспакова, управляшь,
 И все тогда пошло на спашь.
 Она ъезжала по работамъ ,
 Солила на зиму грибы,
 Вела расходы, брила лбы ,
 Ходила въ баню по субботамъ ,
 Служанокъ била осердясь:—
 Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало, писывала кровью
 Она въ альбомы нѣжныхъ девъ,
 Звала Полиной Парасковью ,
 И говорила на распѣвъ ;
 Корсепъ носила очень узкій ,
 И Руской Н какъ Н Французскій
 Произносишь умѣла въ носъ ;
 Но скоро все перевелось.

Корсетъ, альбомъ, Княжну Полину,
 Стишковъ чувствительныхъ шепрадъ ,
 Она забыла, — стала звать
 Акулькой прежнюю Селину,
 И обновила наконецъ
 На вазѣ шлафоръ и чесецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ се сердечно,
 Въ ся запѣи не входилъ ,
 Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
 А самъ въ халашѣ ълъ и пиль.
 Покойно жизнь его кашилась ;
 Подъ вечеръ иногда сходилась
 Сосѣдей добрая семья ,
 Нецеремонные друзья ,
 И пошутишь и поздословишь,
 И посмѣяться кой о чёмъ.

Проходитъ время ; между тѣмъ
 Прикажутъ Ольгѣ чай готовить ;
 Тамъ ужинъ, шамъ и спать пора ,
 И гости ёдуть со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
 Привычки милой старицы ;
 У нихъ на масляницѣ жирной
 Водились Рускіе блины .

Имъ квасъ, какъ воздухъ былъ попробенъ ,

И за споломъ у нихъ госпяямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они спарѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба ,
И новый онъ прияль вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣньми и вѣриою женой
Чистосердечнѣй чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И шамъ , где прахъ его лежитъ ,
Надгробный памятникъ гласитъ :
*Смиренный грѣшникъ , Дмитрій Ларинъ ,
Господній рабъ и Бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.*

XXXVII.

Своимъ пснамъ возвращеный ,
Владиміръ Ленскій посѣшилъ
Сосѣда памяшникъ смиренный ,
И вздохъ онъ пеплу посвяшилъ ;
И долго сердцу грустно было.
 « *Poor Yorick!* молвилъ онъ уныло ,
 « Онъ на рукахъ меня держалъ.
 « Какъ часще въ дѣствѣ я игралъ
 « Его Очаковской медалью !
 « Онъ Ольгу прочилъ за меня ,
 « Онъ говорилъ : дождусь ли дня ? . . . »
И полный искренней печалью,
Владиміръ тушъ же начерпалъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Оща и машери , въ слезахъ ,

Почтиль онъ прахъ патріархальной . . .
 Увы ! на жизненныхъ браздахъ
 Мгновенной жатвой, поколѣнья,
 По шайной волѣ Провидѣнья,
 Восходяшь, зреюшь и падушь ;
 Другія имъ во слаѣдъ идутъ . . .
 Такъ наше вѣшренное племя
 Расщепъ, волнуясь, кипитъ
 И къ гробу прадѣдовъ спѣшишъ.
 Придешь, придешь и наше время,
 И наши внуки въ добрый часъ
 Изъ міра вышѣсняшь и насъ.

XXXIX.

Покамѣстъ упивайтесь ею,
 Сей легкой жизнію, друзья.
 Ея ничтожность разумѣю,
 И мало къ ней привязанъ я ;

Для призраковъ закрылъ я вѣжды ;
 Но отдаленные надежды
 Тревожашъ сердце иногда :
 Безъ непримѣтнаго слѣда
 Миѣ было бѣ грустно міръ оставилъ.
 Живу, пишу не для похваль ;
 Но я бы , кажешия , желалъ
 Печальный жребій свой прославить,
 Чтобъ обо мнѣ , какъ вѣрный другъ ,
 Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ ;
 И сохраненная судьбой ,
 Быть можешъ , въ Лестѣ не попонеть
 Сирота слагаемая мной ;
 Быть можешъ , (лесинная надежда !)
 Укажешъ будущій невѣжда

На мой прославленный поршрепъ,
И молвишъ: то то быль Поэпъ!
Примижъ мое благодаренъе,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранишъ
Мои лепучія пворенъя,
Чья благосклонная рука
Потреплестъ лавры старика!

23-
282

